

НОРТОН МАЙЛЗ

ЯНТЧ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н82

Нортон, Майлз.

Н82 Янтч / Майлз Нортон. — Москва : Нортон Майлз, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-600-05164-5

Память меняется первой. Ты замечаешь это не сразу.

Сначала — в деталях.

Потом — в себе. Иногда кажется, что ошиблась история.

Иногда — ты.

Комната та же. Тишина та же. Совпадений меньше.

Страницы ничего не требуют. Они остаются.

Ты закрываешь книгу. Что-то остаётся открытым.

Ты — не читатель. Ты — продолжение.

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-600-05164-5

© Нортон Майлз, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Предисловие

Мой взгляд случайно наткнулся на человека в бейсболке с полустертым логотипом какой-то забытой команды. Волосы, выглядывающие из-под нее, будто специально взъерошились для вида. Худи, выстиранное до сероватого оттенка, но с идеально сохранившимися швами — те самые, что шьют для бутиков в Сохо. Часы, которые в другом контексте могли бы сойти за подделку, если бы не едва заметное тиканье механизма, звучащее как отсчет чьего-то последнего часа. Одежда будто кричала: «Оставьте меня в покое!» Но каждая деталь выдавала человека, который привык покупать себе любую роль. Даже того, кому нечего терять. Я бы прошел мимо. Но его татуировка...

Когда он поправил часы, из-под браслета выглянул женский глаз. Не ее. Но достаточно похожий, чтобы мои пальцы сами нашли нож в кармане. Он поднял взгляд — и я увидел в этих глазах то же самое, что и тогда: холодный расчет, прикрытый показной небрежностью. Именно так он смотрел, когда разрушил мою жизнь. Без малейшего усилия. Без тени сожаления. Как человек, который даже не заметил, как под подошвой хрустнул панцирь — ведь впереди его ждало нечто куда важнее.

УАСТБ I
Манбырк

ГЛАВА 1

Влажный холод пронзил всё тело. Джон открыл глаза — и мир обрушился на него ледяным душем.

Он ощутил, как капля воды с потолка упала ему на лицо. Вытер лицо рукавом и уставился на потолок. Он был сухим. «Показалось», — подумал Джон.

В комнате пахло затхлостью и виски. Islay Single Malt 12 лет — такой же, что они распивали после первого «контракта» с бывшим партнером. Пустая бутылка валялась у кровати как немой свидетель.

Словно сквозь густой туман, Джон потянулся к тумбочке. Шрам на плече дернулся — старый ожог, подарок от «коллег». В ящике лежали Glock 17 с затертым номером и паспорт на имя Марка Ривза. Джон не помнил, откуда они взялись там. Он щурился на фото в паспорте. Свет падал иначе, и черты лица казались чужими, искаженными. Имя словно плыло перед глазами. Он почти был готов убедить себя, что вчера там было написано иначе. «Последствия вчерашней пьянки», — думал он, протирая глаза. «Может, устал».

Едва слышно, словно проверяя, отзовется ли душа, Джон произнес: «Джон Хиггс». Попробовал он вслух. Ни о чём не говорило.

Мучительно знакомое имя. Простое, привычное, как дыхание... Но сегодня его снова не было. Не то чтобы он страдал амнезией — нет, это было куда хуже. Он не хотел помнить. Забыть, кто ты. Забыть, что натворил. Это не провалы памяти — это бегство.

Вдруг в ушах прорезался голос: «Ты думал, они просто так забыли?» Он резко обернулся — никого.

Только смятая записка в урне. И ощущение... Будто кто-то только что одернул руку с его плеча. Древний инстинкт крикнул об опасности, и тело отозвалось ледяной рябью, бегущей вниз по позвоночнику. Последние недели утро начиналось одинаково: потолок, холодный взгляд лампы, обрывки прошлого, словно осколки разбитого зеркала, которые приходилось собирать. Джон Хиггс. Бывший айтишник. Ныне — консультант по безопасности. По крайней мере, так гласила визитка.

Именно в этот момент телефон вздрогнул на тумбе, будто живой. Уведомление. Карл. Бывший партнер. Если «партнер» — подходящее слово для того, кто платил кровью.

Неотвратимо, как приговор, прозвучало уведомление: через два часа встреча.

Отчаянным усилием воли Джон медленно поднялся, костяшки пальцев побелели от хватки.

Всё было решено: он знал — сегодня снова придется стать тем, кем он больше не хотел быть.

А за безупречным фасадом скрывалась правда: Карл значился владельцем уважаемой консалтинговой фирмы — красивая вывеска для некрасивого бизнеса.

Там, в прошлом, он работал мелкими партиями — пистолеты для частных охранных фирм, партии боеприпасов для сомнительных заказчиков. Разовые сделки, наличные без лишних вопросов. Тогда это казалось просто темной стороной бизнеса.

Но пять лет — достаточный срок, чтобы мелкий торговец превратился в поставщика для военных конфликтов. Слухи, словно паутина, опутывали его новую деятельность: теперь его клиентами были не отдельные наемники, а целые вооруженные формирования.

Особенно на Востоке. Там, где это оружие...

Джон резко оборвал ход мыслей. Время поджимало — он начал собираться, движения резкие,

почти механические. Каждая минута приближала его к встрече, которую он одновременно ждал и боялся.

Он захлопнул за собой дверь квартиры и сразу ощутил резкий контраст — душный полумрак прихожей сменился слепящим дневным светом.

Город встретил его гудками машин и запахом асфальта, прогретого утренним солнцем. Он машинально поправил воротник пиджака, чувствуя, как сквозь тонкую ткань рубашки пробивается холодный ветерок. От квартиры до тротуара — тридцать шагов. Тридцать шагов, за которые нужно было стряхнуть с себя остатки утренней апатии и собраться.

И вот он уже на улице, среди спешащих прохожих, когда его взгляд натывается на черный матовый Gelandewagen, выделяющийся из потока как нож на фоне столовых приборов.

Номера с надписью «FOF» не оставляли сомнений. Это был Карл. Только он мог позволить себе такие выходки — превращать госномера в послание. «Fuck Off» на регзнаках — его визитная карточка, способ обозначить собственное присутствие.

Дверь открылась беззвучно. В салоне пахло кожей и чем-то металлическим — запах денег и власти. Фрэнк за рулем даже не повернул головы. Его отражение в зеркале было пустым — мертвый взгляд, будто смотрящий сквозь мир.

Машина тронулась плавно, без рывка. Как катафалк, увозящий тебя на последнюю встречу.

Джон шумно выдохнул, откинувшись на кожаном сиденье. Gelandewagen мягко покачивался на неровностях дороги, но напряжение в салоне висело плотнее смога.

— Пять лет, Фрэнк. Неужели нечего сказать? — голос Джона прозвучал неестественно громко в тишине салона.

Ответом был лишь резкий рывок скорости. Фрэнк не шелохнулся. Его пальцы лишь чуть сильнее впились в руль. Суставы побелели. В зеркале заднего

вида мелькнул его взгляд — быстрый, оценивающий, как у хирурга перед сложной операцией.

— Ладно, — Джон нервно провел рукой по подбородку. — Болтать не хочешь — твое дело. Только доезжай без приключений, ладно?

Фрэнк резко перестроился, даже не включив поворотник. Грузовик рядом проревел клаксоном, но водитель будто не заметил. Его лицо в зеркале оставалось каменным.

— Эй, что за херня? — Джон вцепился в подлокотник. — Ты вообще в порядке?

Плечи Фрэнка едва заметно дрогнули — самое близкое к ответу, на что он был готов.

— Карл хоть объяснил, зачем ему вдруг понадобился старый приятель? — Джон попытался поймать его взгляд в зеркале.

Долгая пауза. Только стрелка спидометра ползла вверх.

— Не мое дело, — голос Фрэнка прозвучал глухо, будто из другого конца туннеля.

— Но ты же везешь меня к нему, черт возьми! — Джон стукнул кулаком по подлокотнику. — Хотя бы намекни, в какую жопу я лезу!

Руки Фрэнка сжали руль так, что кожа на костяках натянулась. Он резко перестроился, подрезав белую Toyota.

— Просто работа, — прошипел он сквозь зубы.

— Да брось! — Джон фальшиво рассмеялся. — У Карла «просто работа» обычно заканчивается пулей в затылок.

Машина вдруг дернулась, резко тормозя на красном. Джона швырнуло вперед, ремень врезался в грудь.

— Извини, — пробормотал Фрэнк, но в его тоне читалось что-то другое — предупреждение, мольба, отчаянная попытка что-то сказать без слов. Его глаза на секунду встретились с Джоном в зеркале — и в них читалось нечто, от чего по спине пробежал холодок.

Черный Gelandewagen притормозил у невзрачного серого здания. Джон задержал руку на ручке двери — ладонь вспотела. «Странно», — мелькнуло в голове. Он не боялся Карла. По крайней мере, раньше.

Фрэнк что-то пробормотал, но Джон не расслышал. Вместо ответа он шагнул на тротуар. В воздухе витал запах металла и бетонной пыли — будто здание годами впитывало крики из-за закрытых дверей.

17-й этаж. Кнопка лифта была стерта — слишком много людей нажимали ее до него.

Карл ждал в своем кабинете.

Джон шагал по холлу, его шаги гулко отдавались в почти пустом пространстве. Серое здание — никаких стеклянных фасадов или показной роскоши. Оно больше напоминало правительственный бункер, чем офисный центр. Стертые полы, тусклые лампы, запах дезинфекции — будто здесь десятилетиями вычищали следы преступлений.

Лифт открылся беззвучно — слишком бесшумно для такого старого здания.

Перед Джоном раскинулся просторный зал, утопавший в приглушенном свете, будто подсвеченный изнутри. На стене — абстракция в духе Поллока, но, если всмотреться, кроваво-красные брызги складывались в танковые гусеницы, а черные мазки — в разрывы снарядов.

Дверь в кабинет была массивной, дубовой, без намека на стеклянный лоск офисных центров. Стальная табличка «К. Н.» — никаких намеков на консалтинг, только инициалы, выгравированные так, будто они могли порезать палец.

Карл восседал в кресле Herman Miller, развалившись с нарочитой небрежностью хищника, уверенного в своей безнаказанности. Его черный ониксовый стол блистал пустотой — только MacBook с приглушенным экраном да стакан для карандашей, забитый перьями Montblanc.

Среди них одинокая сломанная шариковая ручка — словно намек на то, что даже здесь есть место дешевому насилию.

Его рубашка Brioni морщилась на животе, а лицо блестело от пота, хотя воздух был холодным, как в операционной.

Карл, поставив стакан перед Джоном:

— Ну что, герой? Пять лет — и ни звонка. То ли мертв, то ли стыдно.

(Джон молча берет стакан. Лед звенит.)

Голос Карла прозвучал слишком громко для этого кабинета. Он поднялся с кресла медленно, как подводная лодка, всплывающая на поверхность. Кожаный Herman Miller астматично вздохнул, освобождаясь от его веса.

— Присаживайся! Не стой как провинившийся стажер.

Джон резко ответил: «Если бы стыд убивал, ты бы сгнил первым».

— Ох, как трогательно! Ты до сих пор думаешь, что твои грехи тяжелее моих? *(Наклоняется ближе.) (Карл усмехается, проводит пальцем по краю стола — там царапина, похожая на след от пули.)*

Его ладонь лениво махнула в сторону мини-бара, встроенного в стену из мореного дуба, темного, как старая кровь. Под холодной LED-подсветкой выстроились бутылки — виски с этикетками шестидесятых, пыльными, как архивы спецслужб. Рядом притаилась бронзовая статуэтка: то ли Будда, то ли переплавленная гильза от снаряда.

— Может быть твои предпочтения уже изменились: виски, джин? Или, может, воду с газом? Итальянскую: у нее пузырьки, как иглы под кожей.

(Карл бросает на стол фотографию, на которой Джон находится в чужом городе, с чужим паспортом.)

— ...тебя тянет обратно.

Джон сжимает стакан.

— Это что, шантаж?

Пока он наливал, Джон заметил детали: часы Patek Philippe на стене, где стрелки показывали разное время, словно отсчитывая параллельные реальности, сейф в углу с цифровой панелью — кнопки стерты от частого набора одного и того же кода, тень за окном (Птица или чья-то рука, замершая в жесте угрозы?).

(Карл встает, подходит к окну.)

— Нет, напоминание.

(Поворачивается.)

Пауза. Где-то за окном крикнула ворона.

— Как дела-то? Пять лет, чёрт... Ты же теперь, наверное, совсем большой человек?

Джон наливал себе виски, чувствуя, как взгляд Карла ползет по его рукам, шее, вискам — ищет слабые места.

— Работаю. — Пробка хлопнула слишком громко. — А ты? Говорят, масштабы выросли.

Карл фыркнул, потирая переносицу.

— Да че там выросли... — его пальцы сжали стакан так, что лед затрещал. — Знаешь, как сейчас всё дорого стало? Раньше контейнер в порту — копейки. Сейчас — будь здоров.

Тишина.

Джон тихо:

— Чего ты хочешь?

Карл усмехнулся, разглядывая дно стакана, как будто там плавали ответы.

— Охреневший стал, Джон. Раньше хоть три минуты светской беседы терпел, — он поставил стакан, оставив влажное кольцо, похожее на след от бокала на допросе.

Его рука потянулась к MacBook, но не открыла его — лишь провела пальцем по логотипу, стирая невидимую пыль.

Карл улыбается:

— Ты ошибся в одном. Я не хочу. Я предлагаю.